

Что же это случилось с нами в 1917 году? Ужас, от которого обрушились все святыни? Или чудо, спасшее страну от гибели?

Этот вопрос мучил меня на спектакле «Стенограмма», поставленном Сергеем Кургиняном в его родном театре «На досках». Три с лишним часа без антракта!

Стенограмма — буквально. Фрагменты речей участников Пятнадцатой партийной конференции ВКП(б) 1926 года. Действующие лица хрестоматийно известны. Сталин, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин... Клара Цеткин для полного комплекта. И — никакой похожести обликов или особенностей речи (на грузинский акцент Сталина — ни намек). Актеры отыгрывают стенограмму так нейтрально, как это делали бы неподкупно объективные учителя истории.

Эмоции есть — их демонстрируют десяток слушателей на сцене: стучат кулаками по столешнице, имитируя аплодисменты... Вскидывают и вытягиваются по стойке «смирно» при ленинских цитатах... Изобличая какого-нибудь оппозиционера, вытягивают руки, указывая на него пальцами...

Апофеоз нейтральности?!

Отнюдь. «Стенограмму» Кургинян обогащает элементами мистерии, тут у него действуют «Духи»: Дух Рода, Дух Истории, Дух Всепожирания... Комментируя нейтрально-объективные речи Сталина, Троцкого и прочих ораторов, эти Духи иногда опираются на Блока («Да, скифы — мы, да, азиаты — мы...»), но чаще повторяют ораторов, интонируя их доводы то с издева-

тельской подначкой, то с безудержной одержимостью, а чаще — с чувством невыносимого абсурда.

Этот абсурд не выдуман — век назад он был выношен и объяснен. В то историческое мгновение, вскоре после смерти Ленина, когда стало ясно, что ожидаемая мировая революция идет на убыль и торжество коммунизма-социализма во всечеловеческом масштабе откладывается на неопределенный срок... То есть строить новое общество придется «в одной, отдельно взятой стране». И кто бы ни победил у большевиков — Сталин, Троцкий или любой из их оппонентов, — нужен будет диктатор! Ибо надвигается не просто очередная мировая война, а еще и гибельная, смертельно опасная — Великая Отечественная, — и спасение стране придет только через безжалостную диктатуру.

И вот что удивительно: меняются и цели, и подходы, и методы, а в умах продолжают упрямо жить «коммунизм», «социализм» и прочие идеалы минувшей эпохи. Чудо?

Чудо, сопутствующее ужасу.

Можно ли теперь взять на вооружение что-нибудь из тогдашнего междоусобного остервенения?

Нельзя! Ни красного, ни белого. Ни из советского, ни из царского арсенала! Наши внуки и правнуки в надвигающейся на страну новой фазе вечно-трагической Истории выработают новые системы, а что они возьмут на вооружение — не угадать. Что возьмут, то и будет.

А как нам-то быть с памятью о Красном веке?

Заморозить, что ли... Ничего из тогдашних доводов знать не хочу. Ни того, что с красным, ни того,

что с белым оттенком. Самое опасное — если мы начнем вспоминать то время, сводя нынешние сче- ты. Пусть они все остаются там, в прошлом. И ор- тодоксы, и оппозиционеры. И жертвы репрессий, и палачи-исполнители, поставленные к стенке вслед за своими жертвами. Люди обреченного века, которым если что и светило, то лишь посмертная реабилитация.

Не хочу вникать в то, кто из них был прав, кто виноват. Обречены — все! Смута накроет! И правых, и винов- ватых.

Мое теперешнее отношение к ним всем — без раз- личия тех и этих — сострадание.

Сергей Кургинян своим спектаклем укрепляет меня в этом чувстве.

